

Про Кара Шабана речь / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Про Кара Шабана речь / рассказ ПРО КАРА ШАБАНА РЕЧЬ

Неожиданно в райцентре встретил Тагат-бабая. Мы, деревенские, при встрече со своими как бы ни торопились, обязательно остановимся поздороваться, спросить про жите-быте.

А тут Тагат-бабай сказал неожиданно:

– Айда, дом посмотрим, купить хочу.

Удивил, но я виду не подал, не хотелось обижать старого человека, тем более он махнул рукой вниз, где улица уже заканчивалась, дальше текла река.

Хороший дом. Перейдя через мостик, подошли поближе. Жаль, хозяйка ушла куда-то, поэтому во двор не попали.

– Рядом река, берег красивый. Купи, бабай, – говорю, а сам сомневаюсь.

Сколько же ему лет? Мама рассказывала, что они учились в одном классе. Мамы нет уже лет как пятнадцать.

– Тагат-бабай, а сколько тебе?

– Ой, и девяносто нет еще, – с хитрецей глядит, – в следующем году только будет. – Тянет за рукав: – Айда, сад покажу. Такой там сад. Ай-ай-ай! Тирасами посадили, – заметив, что я не понял, пояснил: – Лесенкой все растет.

– Террасами!

– Да, канешна!

Действительно, красиво. Спуск к реке, место неровное, иначе и не посадишь. Постояли у забора, поохали, поцокали, похвалили хозяйку, но ждать ее не стали.

– Хороший дом, берег реки, купи, бабай.

– Свой продам, надоело, на два хозяина – не жизнь, канешна.

Поддерживая, беру старика под локоть и кивком указываю на мостик, а тот будто сам собой разговаривает:

– Ты обходи, а я прыгну через канаву.

И прыгнул. И легко так прыгнул. Стоит, ухмыляется. «Во, дает», – подумал я.

– Ну, тогда и я за тобой.

Приземлился удачно, пошли вверх по улице.

– Бабай, ты в нашей деревне один, наверное, такой? Штучный.

– Э-э-э... Я, что ли? Ты не знаешь, какие у нас раньше люди жили. Я-я-я? Э-э-э! Знаешь, какие люди раньше были? Где уж нам до них. Во! Такие люди жили, – вижу перед носом большой палец со сломанным ногтем. – Не слыхал про такого, Кара Шабан звали? О-о-о... Я тогда мальчонкой бегал. Война еще шла с немцами. Айда, проводишь меня, по пути и расскажу. У нас же говорят иной раз, рассказывать полным ртом, то есть столько можно рассказать, что полон рот. Вот русские так не говорят. Хотя у них тоже есть такие. Можно – полным ртом. Вот у нас бывали такие. Сейчас не-е-е. Мельчает народ. Не встретишь, только рассказать о тех, кого уж нет. Вот про Кара Шабан-агая речь.

Сказать, что он был смелым, ничего не сказать. Отчаянный был человек, огонь. Два метра ростом, руки, как лопаты, габардин, словом. Раз один добыл двух волков. Как сумел? Одному богу известно. Волки обычно серые у нас водятся, а эти чисто черные. Будут с теленка, не вру. Приволок он их, с перевязанными крест на крест лапами, и бросил в предбанник Муллагали-агая. Почему в предбанник? А не хотел, чтобы видели. Да разве такое от народа спрячешь? Канешна, прибежали, все кому не лень прибежали. А мы, босоногая команда, канешна, первыми. Почему к Муллагали-агаю? Да дом у него крайний.

Самый матерый стрелял глазами, показывал клыки, а они у него... Во! А вот меньшей, только народ собрался, взял да и сдох. Жаль, канешна. Видать не рассчитал Кара Шабан-ага силу свою.

Ох и шумел народ, чуть не снесли предбанник – Муллагали-ага и выволок зверей на берег, канешн, испугался, что разнесут.

– Вот поди да суди ты его! – бил ладошкой по коленям председатель сельсовета колчерукий Мухтарам-ага.

Что волки? Волки – пустяк, было дело, что один четверых дезертиров арестовал.

Война же, говорю, шла тогда. Сорок третий год. Значится, уже два года она шла. Мне двенадцать лет. Четыре дезертира

прятались в Ташлыкуле. Только поговаривали сначала – то ли правда, то ли нет. Будто бы прыгнули с поезда на станции Красноуфимск и побежали в лес. Где леса, что могут спрятаться дезертиры? У нас, канешна. Будто бы из деревенских кто-то увидел и рассказал соседу слева, а сосед слева – тому, кто жил напротив.

А уж известно, канешна, стало после. Доподлинно известно. Пошли мы раз за черемшой. Повела нас Зайтуна-эбей, пусть земля ей будет пухом, ох и хитрющая была, не зря к ее имени добавили еще прозвище и звали Лиса-Зайтун. В лицо, канешна, так не говорили. Чего старого человека обижать. А так за спиной и говорили – Лиса-Зайтун.

На берегу и напоролись на беглых, те там вырыли землянку и жили. У двоих на руках винтовки, у других саперные лопаты, одеты в гимнастерки без погон, а на ногах обмотки. Зайтуна-эбей, ох и проныра старуха была, много троп натоптала у русских и балакала, канешна. Поди, струхнула, но виду не подавала, поглядела на их обросшие лица и жалостливо так:

– Сыночки, что это вы с ружьями да лопатами?

Один злой, может, командир:

– Старуха, мы сами стреляем, сами и хороним.

Один снял мешки наши с плеч и стряхнул на землю. Да особо ничего и не было. У Шариповских выкатилась пара яиц, у Мустафы – картошка да молоко в бутылке, у меня – картошка. Беглецы встали на колени и набросились на еду, а тут старухи растолкали нас, мол, что это вылупили zenки, мы и смылись скорейча.

Вот эта новость уже ходила из одного конца аула до другого и по соседним тоже.

– Воры! – твердили одни соседи с пеной у рта, а другие поддакивали: – Канишнэ! Сколько скотины теряется!? Птицы! Только они!

Кричали, будто до того ничего не терялось.

– У Шамсенисы потерялись двадцать четыре гуся. Не улетели же?! Колхозные склады вон, все открыто, видно, не голодают.

– У них, – кивая на красный флаг на крыше сельсовета, – сил хватает только на сирот, что режут колоски.

Знаю, так болтают те, у кого уши не слышат, что рот говорит.
– Не болтайте глупости, – вмешиваются третьи. – Солдат охраняют пулеметами, и на дороге с пулеметами, чтобы не убежали. Чуть в сторону – тэ-тэ-тэ... Сразу кирдык башка. Такие законы нынче.

Про беглых то говорят, то замолкают. До них ли, голодным, с утра до ночи – кто в поле, кто на ферме. То ли есть, то ли нет. Но сельсовет, с красным флагом на крыше, не дремал. Приехали на телегах два милиционера, местный участковый на пять деревень, сельсоветчик Мухтарам-ага, председатель колхоза Хужин-бабай, еще хромой Гайнетдин-ага. Проходили вдоль и поперек, но дезертиры будто провалились под землю.

А оказалось, действительно, прятались под землей – узнали опосля. В незаметном глазу месте – дыра, будто нора, только ползком проберешься внутрь. Рыбачили и забрели случайно. Внутри – еловые ветки, какая-то ветошь, там и спали. Когда эту нору нашли, там пахло дурно, да вши... Люди носы позакрывали и вылезли скорей.

А искать продолжали. Раз из района приехали – военком и шесть парней с ним. Говорили, 1926 года рождения ребята. В винтовках по обойме патронов – не шухыр-мухыр тебе. Им дали участкового, еще председателя сельсовета, дорогу показывать. Вот он и водил их с одной горы на другую, потом на третью. Наконец, к переправе. Тут в сторожке летнего стойбища и свалились без ног. До утра без памяти проспали, утром заметили, а винтовки-то – тю-тю, будто ветром сдуло.

Кто взял? Когда вошел? Как не заметили? То ли это дезертиры другие, то ли те четыре бедолаги.

– Тьфу! Вот ведь поди да суди ты их! – плевался сельсоветчик Мухтарам-ага.

Уехали ни с чем, да еще без винтовок.

А через пару дней Кара Шабан-ага с топором в руках выстроил этих дезертиров и ведет по улице:

– Раз-два! Раз-два!

На плечи повесил винтовки, а в левой руке держит саперные лопаты.

За ним бежим мы, чуть подостав, – бабы, и даже Хатим-бабай в

штопанных валенках на палку опирается, плетется. Из одного конца аула дошли до сельсовета, хвост тянулся, как деревенское стадо. Пока дожидались власти, иные пытались беглым и по морде дать, кто-то и успел, нашлись смельчаки, что убить на месте не прочь. Тычет в их рожи палкой Хатим-бабай, Рахим-бабай – костылями: вот без ноги вернулся. Магинур-эбей будто взбесилась – давай лупить главного. Оттого и злая, что на мужа похоронку получила. Две бабы еле оттащили. Кара Шабан-ага поднял топор, вышел к народу:

– Самасут хатите? Нэ пазволу-у-у!

Одного пацана отправили за арканом, привязали дезертиров к столбу, стоят они, чешутся, моя твоя не понимает.

– А-а-а! Попались! – прибежал наш сельсоветчик, бегом пожал руку Кара Шабан-агаю и речь держит :

– Вот поди да суди ты их! Вся страна кровь проливает, бабы воют, а эти попрятались. Сталин говорит, расстрел таким. Дезертирам – расстрел!

Тут как ринется толпа на бедолаг, сельсоветчик аж испугался. А Кара Шабан-ага поднял топор, снова вышел к народу:

– На Калыму захатэли? Назат! Самосут нэ пазволу-у-у!

Вот он и держал народ, пока не приехали из района милиционеры. Кончили бы на месте, полдеревни отправили бы лес валить, а так ничего, от колхоза валили.

Вот такой был Кара Шабан-ага, отчаянный мужик. Только умер он смертью нехорошей. Из-за быка. Хоть и немолодой был, а пожил бы, поди, до ста лет, если бы не бык колхозный.

Его же завфермой поставили, а больше некого. Мужиков-то не осталось совсем. Завфермой – должность несидячая, это тебе не в сельсовете печать караулить да речь держать. Он и пас, и сторожил, и корма подвозил, не доверял нам, мальчишкам-то, еще бык племенной на нем числился.

Обычай у него такой имелся: на дойку пригонит коров, попьет чаю и подрыхнет маленько. А тут не дали. Бабы завизжали, с ведрами туда-сюда забегались. Оказывается, племенной бык свалил ограду и вышел на волю. Ходит кругами да мычит.

Кара Шабан-ага прибежал, схватил его за кольцо на носу и потянул в стойло. Надумал так загнать его на место. Куда там!

У того глаза красные, изо рта слюна бежит, землю копытами роет. Опустил голову, посадил Кара Шабан-агая на рога и бросил через спину. Тот закинул голову назад да руками махнул, как крыльями. Грохнулся, не успел убежать, бык поднял зад, ковырнул задними ногами воздух да и как вмажет его в землю. Женщины визжат, прячутся кто куда, а меня – пасся же на ферме, на молоке выживал – верхом отправили в аул. Благо, лошадь оседланная стояла.

Но пока прискакали из деревни, пристрелили быка, от Кара Шабана-агая, от мужика, под которым земля дрожала, ничего не осталось.

А почему Кара Шабан – черный, значит? Чего не знаю, того не знаю. И не скажет никто. Да и то, как он двух волков добыл, да как арестовал четверых дезертиров, никто уж не расскажет, нет уже тех людей, что помнили. А ведь был человек, о нем полным ртом рассказать можно.

Вот так я послушал Тагат-бабая. Мы, деревенские, если неожиданно в райцентре встретим кого-нибудь из деревенских, как бы ни торопились, остановимся, поздороваемся, спросим про жительство-бытие, и от них обязательно что-нибудь интересное услышишь. Да! Вот так вот.

Опубликовано в Бельские просторы №4, 2021. Некаýalar